

● К 1000-летию со дня рождения Авиценны

УТОЛЕНИЕ ЖАЖДЫ

«ИБН СИНА, благодаря значению его творчества и трудов, принадлежит всему человечеству», — записано в Обращении Всемирного Совета Мира по поводу тысячелетнего юбилея гениального философа, ученого-энциклопедиста, врача и талантливого поэта средневекового Востока Абу Али Ибн Сина (Авиценны). По решению генеральной конференции ЮНЕСКО тысячелетие со дня рождения выдающегося борца за разум и прогресс отмечается в нынешнем году во всем мире.

17 сентября в Колонном зале Дома союзов состоялось торжественное заседание представителей общественности столицы, посвященное тысячелетнему юбилею гениального мыслителя. В президиуме — кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС Б. Н. Пономарев, заместитель Председателя Совета Министров СССР, председатель Государственного комитета по науке и технике академик Г. И. Марчук, заведующие отделами ЦК КПСС С. П. Трапезников,

ВСЕ ДАЛЬШЕ таранили толпу врачами древности Гиппократом и Галеном. На Востоке его назовут «князем ученых», «вторым (после Аристотеля) учителем», на Западе он будет известен под именем Авиценны. В Бухару Ибн Сина попал очень рано, до того, как вытянулся в медлительного, голенастого отрока, похожего на нескладного верблюжонка с маленькой головой на тонкой шее, с лицом застенчивым, по-таджикски нежно-смуглым, почти девическим. Отец, Абдуллах Ибн Хасан, был сборщиком налогов, и дед, вероятно, тоже. За всю жизнь отцу так и не удалось утолить одолевшую его жажду познания: ничему-то, кроме «индийского счета» (арифмети-

кы, стилистику и поэзию. Говорят, к десяти годам равных ему в этих науках отыскать кого-либо в Бухаре было трудно. Долго не давалась ему «Метафизика» Аристотеля — этого князя философов, которого на Востоке называли Первым Учителем. Сорок раз прочитал он книгу старого грека, наизусть выучил — не прояснялась она. Может, потому, думал он, что между ней и им пролегло тысяча триста двадцать семь лет! И отчаялся уже когда-либо постигнуть ее, пока не наткнулся в жалкой подслеповатой лавочке на «Комментарии к «Метафизике» Аристотеля», составленные философом-материалистом Аль-Фараби.

На торжественном заседании выступили также президент АН Таджикской ССР М. С. Асимов, президент АН Узбекской ССР А. С. Садыков и президент АМН СССР Н. Н. Блохин.

В книжке этой горело неслыханное для тех времен утверждение, что райское счастье возможно лишь на земле, а «все другое, что говорят об этом, — рассказы и бредни старух». Счастье человека в том, чтобы постоянно совершенствовать свой дух и свое тело (быть саморегулирующей системой, стремящейся к совершенству, как сказали бы современные кибернетики, ведущие свою родословную от Аристотеля). Чуть позже Ибн Сина напишет стихи, в которых будет такая строфа: «Я желаю достичь совершенства предельного качества, все ступени пройдя...». А в тот миг, потрясенный открывшейся истиной,

— Так вот, сын, — внушал он маленькому Ибн Сине, — чтобы не превратиться в осла, пить надо не из помойной ямы, а из чистого родника знаний.

Сначала Ибн Сина учился дома, жадно, неистово постигал премудрости Корана, граммати-

он выбежал на улицу и горстями стал швырять монеты.

— Сегодня я получил ответ на мои главные вопросы, — говорил он ошеломленным образом. Что значили для него тогда какие-то деньги в сравнении с тем богатством, которое приоткрылось ему в глубинах аристотелевского учения! Что значил какой-то презренный металл, если он уже сделал свои первые шаги в вечность!

К шестнадцати годам он овладел философией, мусульманской юриспруденцией, вычислениями, евклидовой геометрией, астрономией и медициной. Юношой, почти мальчиком, вместе со старым врачом Комари ночью, тайком вскрывает он труп умершего от неизвестной тогда болезни (аппендицита) горожанина. Закон под страхом смерти запрещает подобное богохульство, но ученик Аристотеля не может поступить иначе, его знания и сноровка нужны живым.

Скоро Ибн Сина приворожил всю Бухару своими медицинскими познаниями и лекарским мастерством. Исцелив от тяжкого недуга эмира Нуха II Мансура, он получил самый дорогой подарок, о котором мог только мечтать, — свободный доступ в богатейшее книгохранилище династии Саманидов. «Я видел такие книги, — вспомнил он потом о самых светлых часах жизни, — которые многим людям неизвестны даже по названию, я никогда не видел подобного ни раньше, ни после. Я прочитал эти книги, извлек из них пользу и понял значение каждого человека в его науке».

Первые крупные труды по философии и логике он создал в

Бухаре, когда ему не было еще двадцати лет. Здесь же возникли замыслы главных его книг — «Книги исцеления» и «Канона врачебной науки». Многотомные эти работы свидетельствовали о целостном взгляде Ибн Сина на природу человека, о тесном переплетении философии, логики и медицины.

Нашествие в государство Саманидов войск султана Махмуда Газневи прервало интенсивные научные поиски гениального мыслителя. Началась беспокойная, полная тревог и скитаний жизнь, смена городов, феодалов, служб и покровителей. Покровители были нужны, ибо, гонимый религиозными фанатиками, приходящими в неистовство от любого проблеска свободной мысли, Ибн Сина, как рассказывают, не раз спасался бегством, теряя не только имущество, но и рукописи своих трудов.

Десять лет находился Авиценна при дворе правителя Хорезма Али Ибн Мамуна в Гургандже, где встретился, наконец, с известным мыслителем Беруни, с которым он прежде переписывался, полемизируя по поводу «Физики» и «Книги о небе» Аристотеля. Но и на сей раз плодотворное творчество прервано было нашествием орда Махмуда Газневи. Наотрез отказалась служить султану, Ибн Сина после тягостных путешествий прибывает в княжество Горган на юго-восточном берегу Каспия, далее кощует от одного правителя к другому, служа то придворным врачом, то визирем.

С самых нежных лет Ибн Сина любовь книжное знание приворожил он, — человек способен познать все.

Считается, что Ибн Сина интуитивно угадал одну из важнейших черт отражения — его избирательный характер. «Когда происходит восприятие, — писал он, — вызывается и желание, и, следовательно, движение. Это движение заключается или в избежании, или в искании. Следовательно, движущей силе необходима воля, а воля действует по необходимости, необходимость же исходит или из желания достигнуть чего-нибудь или из желания освободиться от чего-нибудь».

Мы видим, что и в теории познания, и в медицине, и даже в теории музыки и стихосложения Ибн Сина был близок к истинам, иные из которых подтвердились спустя много сотен лет. Историки науки могут только поражаться сейчас, как верны и захватывающие точны были пути его поисков, наблюдений, творческих озарений.

А если говорить о его поэзии, то в ней-то еще более глубоко проявилось это стремление выразить то, что еще не было подкреплено разумом, что не всегда и не сразу поддается точным логическим формулировкам. Вот почему лирические шедевры Авиценны, идет ли в них речь о жажде быть понятым или о жажде пробудить в людях светлое чувство красоты; волнуют нас так же, как и поэзия его современника Фирдоуси или его ученика Омаря Хайяма.

Всю жизнь Ибн Сина пытался утолить свою неуемную жажду познания и добыл для человечества чистые родниковые источники новых знаний.

Б. ВОЛКОВ.